

На правах рукописи

Макарычев Александр Сергеевич

**НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 Г.
В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ:
ДЕМОКРАТИЯ И РЕАКЦИЯ НА ПЕРИФЕРИИ ГЕРМАНИИ**

Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история»
(Новая и Новейшая история)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Калининград

2022

Работа выполнена в Институте гуманитарных наук ФГАОУ ВО
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Научный руководитель:

Кретинин Геннадий Викторович
доктор исторических наук, профессор
Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО
«Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»

**Официальные
оппоненты:**

Ватлин Александр Юрьевич
доктор исторических наук, профессор
кафедры новой и новейшей истории
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Ланник Леонтий Владимирович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН
«Институт всеобщей истории РАН»

Ведущая организация:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный
Университет имени академика И.Г.
Петровского»**

Защита состоится «20» мая 2022 года в 15.00 часов на заседании совета Д 212.084.07 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора/кандидата исторических наук при ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» по адресу: 236001, г. Калининград, ул. Гайдара, д. 6, НТП «Фабрика», e-mail: MMeget@kantiana.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г. Калининград, ул. Университетская, 2). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» по интернет-адресу: <https://kantiana.ru/postgraduate/dis-list/makarychev-aleksandr-sergeevich/>

Автореферат разослан «__»__2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М.Е. Мегем

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В любом обществе и государстве существует потребность (правда, в различной степени) в обновлении, регенерации своих сил и в прогрессе. Удовлетворение этой потребности достигается либо государственными реформами (государственной политикой), либо революцией. Изучение революции в диахронном (национальном и региональном) и синхронном (международном) срезе составляет важную актуальную задачу современной исторической науки. Отмечавшийся в 2018 г. историческим сообществом столетний юбилей Ноябрьской революции в Германии представил удобный повод ретроспективно взглянуть на это важное событие с позиции достаточно длительной хронологической перспективы и подвести её значимые, а не только обусловленные политической конъюнктурой исторические итоги.

Обращение к «местным пластам» революции удачно сочетается с такими современными направлениями в исторической науке, как история повседневности и микроистория, а также с изучением этнических и социально-психологических аспектов рассматриваемого явления. В этом плане Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии не повезло. В исторической науке отсутствует комплексное исследование этого сложного социально-экономического и общественно-политического явления на территории бывшей Восточной Пруссии. Историки неоднократно обращались к общегерманской проблематике этого периода, в то время как региональные (восточнопруссские) аспекты находились на периферии научного внимания.

Объект исследования – Ноябрьская революция 1918 г. в Германии.

Предмет исследования – восточнопруссские аспекты Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

Основные хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1914 по 1919 гг. Исходным пунктом данного периода служит начало Первой мировой войны, в ходе которой к осени 1918 г. сформировались предпосылки Революции в Германии (Восточной Пруссии). Германская революция началась 3 ноября 1918 г. восстанием моряков в Киле, к которому один за другим присоединялись города морского побережья. К 9 ноября почти во всех городах на севере, западе и юге Германии революция победила и повсеместно были созданы рабочие и солдатские Советы.

До Восточной Пруссии и Кёнигсберга революционная волна докатилась 8 ноября, когда начались массовые демонстрации и митинги, закончившиеся созданием (избранием) новых революционных органов власти 9 и 10 ноября. Окончанием революции в данном диссертационном исследовании считается август 1919 г., когда после подписания президентом Фридрихом Эбертом (11 августа) была опубликована и вступила в силу (14 августа) конституция, завершившая процесс создания Веймарской республики, начавшийся в революционные дни ноября 1918 г.

Географические рамки в основном ограничены территорией провинции Восточная Пруссия (Германская империя) по административному делению 1878 г. Её границы на западе проходили по линии Хайлигенбайль, Прейсиш-Голланд, Морунген, Остероде; на юге – Найденбург, Ортельсбург, Иоханнисбург, Лик; на востоке – Олецко, Гольдап, Шталлупёнен, Пилькаллен. На севере крайней точкой являлся город Мемель.

Теоретическая и методологическая основа исследования базируется на *принципе историзма*, способствующего рассмотрению революции в её динамике от перерастания революционного кризиса в революционный взрыв, затем спада и узаконивания достигнутых результатов в новой конституции. Помимо общенаучных

методов (анализа, синтеза, обобщения) основой исследования стали специальные исторические методы. При рассмотрении социально-политических аспектов революции в Восточной Пруссии в исследуемый период был использован *историко-описательный метод*, который дал возможность проанализировать историю Ноябрьской революции 1918 г. в контексте её многообразных проявлений в социально-политической жизни провинции. Акцент в нарративе революции сделан прежде всего на коммунальной политике рабочих, солдатских и крестьянских Советов провинции, где главной формой конфликта было стремление некоторых Советов выйти за рамки своих компетенций и проводить леворадикальную политику, направленную на углубление демократического содержания революции. *Историко-системный метод* позволил целостно рассмотреть объект исследования, проанализировать многообразные механизмы взаимодействия новых революционных органов власти и сохранившихся административных учреждений монархии, что обусловило собой определенную деформацию развития революционного процесса.

Проблематика диссертации, помимо прочего, связана с такими факторами развития революции, как международное положение, преобразование партийно-политического ландшафта и формирование национальной идентичности, что ставит перед исследователем задачу комплексного изучения региональных аспектов феномена революции.

Цель диссертационного исследования – раскрыть причины, содержание и итоги Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии как социально-политического явления.

Для достижения цели необходимо было решить ряд исследовательских **задач**:

- 1) изучить предпосылки и условия складывания революционной ситуации в Восточной Пруссии к ноябрю 1918 г.;
- 2) проанализировать деятельность рабочих, солдатских и крестьянских Советов как революционных органов власти;
- 3) охарактеризовать перестройку партийной системы и формирование Веймарской коалиционной системы;
- 4) оценить результаты деятельности имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии А. Виннига в революции 1918–1919 гг.;
- 5) охарактеризовать значение «Востоchnопрусской Отчественной службы» и народных Советов в контексте революции 1918–1919 гг.

Источники по теме исследования подразделяются на несколько групп. Во-первых, это разнообразный документальный материал, сосредоточенный в фондах Тайного государственного архива Прусского культурного наследия (Берлин, Далем)¹. Ценность данных документов для исторических исследований весьма различна. Большей частью они относятся к служебной переписке правительственных учреждений (а также новоявленных органов революционной власти в виде Советов) Восточной Пруссии, которая в силу своей фрагментарности или незначительности не всегда представляет интерес для историка-исследователя. Напротив, сохранившиеся распоряжения центральных учреждений и ведомств, докладные записки и меморандумы восточнопрусских чиновников высшего и среднего звена являются весьма ценным источником для понимания механики взаимодействия (и борьбы) старых (кайзеровских) и новых (революционных) органов власти.

Вторая группа источников представлена разнообразным газетным материалом, который отражает весь спектр различных общественно-политических сил (партий),

¹ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK).

действовавших в Восточной Пруссии в 1918–1919 гг. От консервативной «Востоchnопрусской газеты» (Ostpreußische Zeitung), либеральной «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» (Königsberger Hartungsche Zeitung) до социал-демократической «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» (Königsberger Volkszeitung). Социал-демократы Восточной Пруссии имели возможность выражать свои взгляды и в центральной прессе Германии соответствующего направления², которая также может рассматриваться как соответствующий источник по изучению Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии.

К третьей группе источников относятся воспоминания и заметки мемуарного характера восточнопруссских политиков и участников революционных событий 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии, которые дают возможность представить развитие революционного процесса в провинции глазами его главных акторов. Бесспорно, важнейшее место в мемуарном наследии революции занимают воспоминания имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии А. Виннига³, к которым, однако, следует относиться критически и сопоставлять с другими источниками.

В целом для осуществления исследования по теме диссертации имеется большой круг разнообразных источников, многие из которых ещё не становились предметом анализа в отечественной историографии (письма, пропагандистские плакаты, фотографии).

Степень изученности темы. Проблематика истории Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии достаточно широко представлена в *немецкой историографии*, которая, тем не менее, достаточно однобоко подходила и подходит к её изучению.

В многочисленных общих работах по истории Восточной Пруссии Ноябрьская революция 1918 г. упоминается лишь в контексте политического кризиса, приведшего к падению монархии, и послевоенного Версальского мирного урегулирования. Деятельности рабочих, солдатских и крестьянских Советов в них уделяется незначительное внимание, однако более подробно рассматриваются различные аспекты образования в провинции парламентской демократии и Веймарской партийной коалиционной системы⁴.

Первым серьёзным немецким исследователем революционных событий в Восточной Пруссии был Р. Клатт⁵. Его заслуга состоит в том, что он ввёл в научный оборот документы оберпрезидиума Кёнигсберга и правительства Гумбиннена и дал им соответствующую оценку. Клатт рассматривал возникновение рабочих и солдатских Советов, деятельность Провинциального Совета, финансовое обеспечение новых революционных органов власти, но, как правило, только под углом их взаимодействия со старыми административными учреждениями. По сути, Клатт изложил историю того, как были побеждены Советы и революция в Восточной Пруссии, но совершенно игнорировал элементы левой и отчасти революционной политики (разумеется, только в

² Правые социал-демократы печатались в берлинской «Vorwärts», а независимые социал-демократы в «Leipziger Volkszeitung».

³ Winnig A. 400 Tage Ostpreussens. Dresden, 1928; Heimkehr. Hamburg, 1935.

⁴ См., например: Hauf R. Die Preußische Verwaltung des Reg. Bez. Königsbergs 1871–1920. Bonn, 1980; Lindeblatt B. Preußenland. Die Geschichte Ost- und Westpreußens 1701–1945. Kiel, 2001; Schumacher B. Geschichte Ost- und Westpreußens. Würzburg, 1937; Schumacher R. Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Köln, 1985.

⁵ Klatt R. Ostpreußen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg, 1958.

тех рамках, в какие Советы поставили себя сами) некоторых Советов. Одной из важных причин поражения Советов он считал самоограничение их контрольными и надзорными функциями.

В определённой степени тезисы Клатта были развиты известным кёнигсбергским историком Фрицем Гаузе⁶. Он первый описал весь ход революционных событий, доведя его до апреля 1920 г. Несмотря на то что его рассказ носит в целом компилятивный характер и автор не привлекал каких-либо новых источников, ограничившись уже введёнными в научный оборот, Гаузе выдвинул ряд положений, которые до настоящего времени имеют широкое хождение как в зарубежной, так и в отечественной историографии. Гаузе скептически относился к революционному потенциалу, который представляли собой демобилизованные революционные солдаты и матросы. Он характеризовал их как неустойчивую и вышедшую из повиновения массу, подверженную любой агитации. Подобным образом он оценивал также новых руководителей Советов как людей, не имевших политических или организационных талантов, но часто привлекавших к себе внимание из-за различных криминальных скандалов. Народная морская дивизия оценивалась им как радикальное меньшинство, которое держало в страхе весь город, а деятельность Виннига по её роспуску, соответственно, заслужила положительную оценку.

Значительный интерес представляет работа В. Матулла, посвящённая истории рабочего движения Восточной Пруссии⁷. Автор анализирует различные течения в рабочем и профсоюзном движении Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны и в период революционного кризиса 1918–1919 гг., а также программные установки и политику СДПГ и НСДПГ этого периода применительно к Восточной Пруссии. Однако книга ценна прежде всего тем, что в ней приводятся материалы из личного архива автора, а именно свидетельства, письма и дневники участников революции, которые В. Матулл собирал в течение многих лет, и которые ранее не были опубликованы.

Изменениям в структуре и компетенции органов государственного управления и чиновничьего аппарата в Восточной Пруссии в 1918–1945 гг. посвящена диссертация Г. Биттера⁸. Характеризуя возникшую в ноябре 1918 г. систему Советов, Биттер отмечает, что она ориентировалась преимущественно на русский образец, не имела определённой идеологии и программы действий, а члены Советов, как правило, были уставшими от войны мятежными солдатами, которые не желали и не умели вести переговоры со своими политическими оппонентами. Система Советов, по Биттеру, оказалась не в состоянии справиться с разнообразными задачами государственного управления и заложить основы государственного строя. Биттер достаточно подробно останавливается на различных жалобах местных властей в связи с деятельностью рабочих и солдатских Советов и почти не упоминает об их позитивной повестке. В целом такой перекося в оценке деятельности Советов свойственен немецким историкам, которые видят в них только переходную форму государственного строя в процессе политической трансформации и почти полностью игнорируют их работу по углублению демократического содержания революции.

⁶ *Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Bd. III. Köln, 1996. S. 18–37.* Первое издание в 1965–1971 гг.

⁷ *Matull W. Ostpreussens Arbeiterbewegung. Würzburg, 1970. S. 67–86.*

⁸ *Bitter G. Preußische Regierung zu Königsberg 1918–1945. Leer, 1988. S. 25–28.*

Диссертационное исследование Р. Шиндо посвящено изучению отношений Восточной Пруссии с Литвой и Советским Союзом в период Веймарской республики⁹. И хотя Ноябрьская революция 1918 г. не является предметом исследования автора и фигурирует как исходный пункт дальнейшего развития событий, автор всё же делает ряд интересных выводов о ней и подробно останавливается на деятельности А. Виннига в качестве имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии. Восточная Пруссия, по мысли автора, столкнулась в конце 1918 г. со своего рода экзистенциальным кризисом: его двумя гранями являлись захват власти рабочими и солдатскими Советами и угроза передачи восточных районов Германии Польше. Соответственно, необходимость устранения власти матросов и находящихся под их контролем рабочих и солдатских Советов, с одной стороны, и сохранение за Германией её восточных земель с другой, обусловили собой необходимость учреждения имперского комиссариата во главе с Виннигом.

Первая глава диссертации А. Борма о становлении Кёнигсберга как современного большого города в Веймарской республике посвящена Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии¹⁰, которую автор рассматривает как исходный пункт перезагрузки политических и социально-экономических отношений в провинции, причем акцент ставится именно на политических аспектах революции. Её характерную особенность для Восточной Пруссии А. Борм видит в различии между столичным городом и провинцией, которое наложило отпечаток на весь дальнейший ход событий, а сама революция выступает как своего рода новое начало при тяжёлых исходных условиях, которые обусловили заключение своеобразного прагматического соглашения между старыми монархическими административными учреждениями и новыми органами власти в виде Советов.

Главная цель этого соглашения, по Борму, состояла в обеспечении продовольственного снабжения и недопущении грабежей в условиях нестабильной социально-политической обстановки. Возникший в ряде районов провинции вакуум власти, подчёркивает Борм, привёл к самовольным действиям Советов, которые вызвали жалобы на местах. Однако дальше констатации таких фактов автор не идёт, хотя изучение подобных попыток Советов проводить собственную политику на коммунальном уровне представляет несомненный научный интерес. В этом же ключе Борм рассматривает и деятельность радикальных движений и формирований в столице и провинции, которые находились в явном меньшинстве и поэтому были обречены на маргинализацию и вытеснение из политического процесса после стабилизации внутреннего и внешнего положения провинции.

Определённое внимание новейшая германская историография Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии уделяет её социально-психологическим и национально-культурным аспектам, так или иначе связанным с понятием восточнопрусской идентичности. Так, историк С. Тирфельдер полагает, что германская Ноябрьская революция оставила глубоко укоренившееся чувство неуверенности (*Verunsicherung*), а активистов «Восточнопрусской Отчужденной службы» объединяла неопределённость государственного будущего и чувство беспомощности относительно развития событий внутри Германии и за её пределами¹¹.

⁹ *Shindo R.* Ostpreußen, Litauen und die Sowjetunion in der Zeit der Weimarer Republik. Berlin, 2013.

¹⁰ *Borm A.* Die Entwicklung Königsberg i. Pr. zu einer modernen Großstadt in der Weimarer Republik. Greifswald, 2016.

¹¹ *Thierfelder S.* Der Ostdeutsche Heimatdienst und die Volksabstimmungszeit in Ostpreussen // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. Vol. XXX. 2015. S. 87.

Советская и российская историография. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии привлекала внимание советских историков уже в 1930-е гг.¹², однако революционным событиям в Восточной Пруссии уделялось, в лучшем случае, только поверхностное и эпизодическое внимание. Это объяснялось не только крайне ограниченным доступом к архивным документам и мемуарному наследию (советские историки могли получить представление о революционных событиях в провинции, основываясь только на материалах немецкой прессы), но и высоким градусом политизации самой темы. Революционные бои немецкого пролетариата ещё были свежи в памяти, да и сама внутривосточная обстановка в Германии в начале 1930-х гг. не исключала возможности прихода КПП к власти, вследствие чего научная разработка истории Ноябрьской революции 1918 г. имела своеобразный прикладной характер и ограничивалась теми регионами, где коммунисты традиционно имели сильные позиции: Берлином, Баварией, Рейнско-Вестфальским промышленным районом, Саксонией и северным побережьем.

В поле зрения советских историков изредка попадал Кёнигсберг как столица самой восточной провинции Германии в общем контексте описания голодных стачек и уличных выступлений, которые широкой волной захлестнули страну в 1917–1918 гг. Относительно же деятельности столичного (Кёнигсбергского) Совета сообщалось только, что им был смещен обер-бургомистр.

Несколько лучше обстояло дело с персонификацией революции: двум её видным деятелям – Гуго Гаазе и Августу Виннигу – как правило, давались негативные характеристики. Гаазе, выходец из Кёнигсберга, который в 1911 г. стал председателем СДПГ, как считалось, не обладал «ни качествами пролетарского трибуна, ни твердыми убеждениями закаленного марксиста», но зато искусно владел даром «примирять и замазывать противоречия, все более резко проявлявшиеся в партии»¹³. Деятельность другого деятеля революции, Виннига, оценивалась только в плане его литературного наследия как профсоюзного теоретика и подведения итогов его пребывания в Прибалтике в качестве уполномоченного рейха. Как теоретик он «отравлял» сознание рабочего класса и широких слоев трудового народа ядом социал-шовинизма, национализма и русофобства, а как политик он проявил себя «душителем революционного движения» в Прибалтике и создателем добровольческих отрядов (Freikorps), прежде всего «Железной дивизии»¹⁴.

Определённые сдвиги в методологических установках в изучении германской революции 1918 г. в российской историографии произошли в 1990-е гг. Однако в отношении изучения революционных событий в Восточной Пруссии ситуация практически не изменилась – бывшая самая восточная провинция Германии по-прежнему была обделена вниманием историков-профессионалов.

Несколько иначе обстояло положение дел в калининградской региональной историографии, однако здесь были свои особенности. Нельзя сказать, что в калининградском краеведении не уделялось внимание этим вопросам, однако они рассматривались в контексте связей с русским революционным движением конца XIX – начала XX в. Определённое внимание уделялось Восточной Пруссии (в частности, г.

¹² См., например: *Шелавин К.* Авангардные бои западноевропейского пролетариата. Очерки германской революции 1918–1919 гг. Ч. I и II. Л., 1930; *Застенкер Н.* Баварская Советская республика. М., 1934.

¹³ *Драбкин Я. С.* Революция 1918–1919 гг. в Германии. М., 1958. С. 18.

¹⁴ *Головачев Ф. Ф.* Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы Первой мировой войны. М., 1960.

Тильзиту) как транзитной территории в переправке из Германии в Россию нелегальной революционной литературы, в частности газеты «Искра», проезду лидеров российской социал-демократии, в частности, В. И. Ленина через провинцию, знаменитому Кёнигсбергскому процессу 1904 г., а также некоторым биографическим аспектам восточнопрусских социал-демократов (например, Ф. Мертинса), так или иначе связанных с революционными событиями в Восточной Пруссии 1918–1919 гг. Ноябрьская революция 1918 г. в провинции в лучшем случае упоминалась простого упоминания¹⁵.

Первое, по-настоящему серьёзное внимание историки Калининградской области обратили на революционные события 1918–1919 гг. в Восточной Пруссии лишь в середине 1990-х гг. В главе IX коллективной монографии Г. В. Кретинин и В. В. Сергеев дали общее освещение революции: от вызревания предпосылок революции в годы Первой мировой войны и изложения её основных событий до анализа места восточной провинции в Германии в период ранней Веймарской республики¹⁶. Был сделан важный вывод, что после выборов в январе–марте 1919 г. в Национальное собрание Германии, в прусский ландтаг и в Кёнигсбергский городское собрание политическая инициатива перешла к правым социалистам, взявшим курс на ограничение революции буржуазными рамками. Уличные бои в начале марта оцениваются как неудачное восстание, в результате которого были ликвидированы отряды народной обороны, а революционный процесс вошел в русло обычных экономических требований.

В первые два десятилетия двадцать первого века региональная историография по-прежнему уделяла недостаточное внимание восточнопрусским аспектам германской революции 1918 г., в лучшем случае анализируя их в контексте изучения других специфических проблем¹⁷. Вообще, в отношении изучения революции 1918 г. в Восточной Пруссии в региональной историографии сложилась довольно любопытная ситуация: она (революция) в плане изучения как бы затерялась между событиями Первой мировой войны на территории провинции (интерес к которым активизировался в 2014 г. в связи со 100-летней годовщиной её начала) и восточнопрусскими аспектами истории Веймарской республики. Сама революция продолжала оставаться своеобразной «серой зоной» для историков, которые практически не подвигались вперёд в деле её научного изучения.

Проделанный историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что в истории Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии до сих пор остаются недостаточно изученные вопросы и лакуны, а именно: агитационно-разъяснительная работа представителей восточнопрусского отделения КПГ/Союз «Спартак» на промышленных предприятиях и в сельской местности, роль «русского» фактора в деятельности руководства Народной морской дивизии, формирование и изменение кадрового состава Кёнигсбергского рабочего и солдатского Совета, влияние внешних

¹⁵ См., например: *Колганова Э. М., Строкин В. Н.* Страницы памяти. Калининград, 1985. С. 20–21; *Бирковский В. Г., Исупов В. С., Фарутин И. А.* История нашего края: Пособие для учащихся. Калининград, 1990. С. 30–31.

¹⁶ Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Исторические очерки, документы, материалы. Калининград, 1996. С. 371–395.

¹⁷ *Виноградов М. В.* Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918–1939 гг.). СПб., 2003; *Строганова Н. А.* Проблема польского национального меньшинства в Восточной Пруссии в германо-польских отношениях межвоенного периода // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время: Материалы междунар. науч. конф. Калининград, 2004. С. 147–155.

(военно-политических) факторов на ход и итоги революционного процесса, роль и место революции в формировании восточнопрусской национальной идентичности.

Определённый интерес представляет эпистолярный материал (письма, дневники) 1918–1919 гг. для изучения восприятия революционных событий в массовом сознании. Разработка этих вопросов имеет важное научное значение и является перспективным направлением в изучении региональных аспектов Ноябрьской революции 1918 г.

Научная новизна диссертации обусловлена несколькими факторами:

1. Впервые в российской историографии проводится исследование восточнопрусских аспектов Ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

2. Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии изучается с привлечением источников, которые практически не были использованы в работах предшественников по данной теме, в частности в диссертации значительное внимание уделяется документам Тайного государственного архива и материалам восточнопрусской периодики 1918–1919 гг.

3. В диссертации подробно исследованы сюжеты, которые ранее не получали специального освещения в историографии, в частности деятельность местных рабочих и солдатских Советов и организации «Восточнопруская Отечественная служба».

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что на материале истории Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии рассматриваются компетенции новых органов власти (рабочих, солдатских и крестьянских Советов), возникших в результате революции, и механизм их взаимодействия с прежним административно-бюрократическим аппаратом монархии (оберпрезидиумом, правительственными президентами, ландратами и бургомистрами) в условиях постимперского конфликта. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в изучении истории Восточной Пруссии после Первой мировой войны, а также при подготовке специальных учебных курсов по истории стран Балтийского региона.

Структура диссертации обусловлена поставленными задачами. Главы выделены на основе комбинированного принципа: материал первой главы организован хронологически, во второй и третьей главах в основу изложения положен тематический принцип. В первой главе рассмотрено нарастание революционного кризиса в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны. Вторая глава посвящена формированию и деятельности революционных органов власти – рабочих, солдатских и крестьянских Советов, а также генезису партийно-политической системы Веймарской республики. В третьей главе проанализирована деятельность имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии А. Виннига и деятельность организации «Восточнопруская Отечественная служба», которые являлись консервативным вариантом ответа на внутренние и внешние вызовы в условиях революции и постимперского конфликта.

Положения, выносимые на защиту:

1. В Восточной Пруссии во время Первой мировой войны массовое антивоенное движение и революционное брожение не привели к образованию единого фронта левых сил накануне революции. Этому в значительной степени способствовали три фактора: приверженность восточнопрусского отделения Социал-демократической партии Германии (правых социал-демократов) и «свободных профсоюзов» политике «гражданского мира»; раскол социал-демократического движения и образование Независимой социал-демократической партии Германии, один из лидеров которой, адвокат из Кёнигсберга Гуго Гаазе, несмотря на радикальную риторику, вовсе не намерен был использовать «русский опыт» политической борьбы; слабость

леворадикального крыла социал-демократического движения в Восточной Пруссии, представленного Союзом «Спартак», и отсутствие у него социальной базы среди сельского населения провинции.

2. Рабочие и солдатские Советы Восточной Пруссии комплектовались на паритетной основе представительства СДПГ и НСДПГ при минимальном участии в них представителей Союза «Спартак». Новые революционные органы власти не ставили перед собой задачу завоевания политического господства и активно сотрудничали со старым административным аппаратом монархии (обер- и правительственными президентами, ландратами и бургомистрами), ограничившись только функциями контроля за их деятельностью и поддержанием общественного порядка. Попытки некоторых местных Советов проводить самостоятельную левую политику на коммунальном уровне либо пресекались Кёнигсбергским Советом, либо приводили к переизбранию их состава.

3. Формирование ранней коалиционной Веймарской системы в Восточной Пруссии имело свою специфику по сравнению с ситуацией в рейхе. Тройные выборы (в Учредительное собрание, в прусский ландтаг и городской парламент Кёнигсберга в начале 1919 г.) дали очевидный перевес левым партиям и депутатам солдатских списков. Однако острое противоборство между СДПГ и НСДПГ (например, по вопросу «социализации» предприятий) привело к блоку социал-демократов большинства с партиями буржуазно-либерального лагеря и вхождению революции в рамки легальных экономических требований. Внесистемная (внепарламентская) деятельность левого крыла НСДПГ, выражавшаяся в призывах к всеобщей забастовке, «социализации» предприятий и союзу с Советской Россией приводила к хаотизации политического процесса.

4. Внутренняя политика имперского комиссара (с 25 января 1919 г.) и обер-президента Восточной Пруссии (с 24 июня 1919 г.) А. Виннига представляла собой консервативный ответ на революционное брожение в обществе. Этот ответ достиг своей кульминации в уличных боях 3–4 марта в Кёнигсберге, которые привели к разоружению и ликвидации (упразднению) отрядов Народной морской дивизии. Революция лишилась главного инструмента, который при определённых обстоятельствах мог обеспечить её развитие по леворадикальному пути.

5. Внешний фактор (Советская Россия и «большевизация» российско-германских отношений, тяжёлые условия Версальского мирного договора) в качестве вызова для властей провинции способствовал созданию «Восточнопрусской Отечественной службы» и народных Советов. Деятельность этих организаций привела к постепенному свёртыванию деятельности Советов как органов революционной власти и выдвижению на первый план факторов защиты национально-культурной идентичности восточных территорий Германии (Восточной Пруссии).

Апробация результатов исследования:

Основные результаты и выводы данного диссертационного исследования были представлены и обсуждены на ряде конференций и семинаров, в том числе: международной научной конференции «Ноябрь 1918. Революция на Балтике и в германском рейхе» (организаторы: историческая комиссия Померании и университет Грайфсвальда, 9 ноября 2018 года); лектории «Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии» (Калининградская областная научная библиотека, 20 декабря 2018 года); историографическом семинаре Института гуманитарных наук (Калининград, БФУ

им. И. Канта, 29 сентября 2021 года). Основное содержание диссертации изложено в 4 публикациях, в том числе 3 статьях в рецензируемых научных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science).

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении определены актуальность диссертационного исследования, его объект, предмет, хронологические рамки, теоретические и методологические основы, цели и задачи; проведен анализ источниковой базы и дан обзор историографии темы; изложены научная новизна, структура диссертации, основные положения, выносимые на защиту, а также представлена информация об апробации научной работы.

Глава 1 «Наращение революционного кризиса в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны» состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Ухудшение социально-экономического положения»** рассмотрены вопросы, связанные с последствиями военных действий на территории провинции. Прежде всего это проявилось в прибытии многочисленных беженцев из восточных районов провинции в города, которые находились на относительно безопасном удалении от фронта. В связи с этим бытовые лишения и неустроенность значительной части населения провинции (потеря жилища, кормильца или привычных источников существования) стали отправным пунктом формирования антивоенных настроений в массах и усталости от войны, являвшихся важным звеном нарастания революционного кризиса.

Важным последствием войны и боевых действий на территории провинции стал экономический ущерб и отток населения из её восточных районов, приведший к дефициту рабочей силы в сельском хозяйстве. Вместе с тем следует отметить, что «восстановительные работы стали не только важной частью хозяйственной деятельности регионального руководства, но и пропагандистским ресурсом по сплочению немецкого населения на националистической и патриотической основе»¹⁸.

В первый год войны власти провинции действовали в духе общей коммунальной политики, занимаясь обеспечением решения насущных вопросов, вызванных войной, а именно регулированием ценовой политики на важнейшие продукты питания и борьбой со спекуляцией, обеспечением бесплатного питания детей в школах, погашением задолженности по арендной плате за муниципальное жильё и социальной поддержкой воинов-инвалидов и военных вдов.

Социально-экономическая обстановка в деревне также быстро ухудшалась вследствие уменьшения количества мужской рабочей силы, реквизиций лошадей и сокращения посевных площадей. В провинции, как и в стране, всё острее чувствовался недостаток продовольствия¹⁹. С 1915 г. по всей стране резко ухудшилось снабжение мясом, поскольку снижение мясных норм произошло вследствие специального решения правительства произвести массовый убой свиней из-за нехватки кормов. Особенно трудной была для рабочих Германии «брюквенная зима» (Steckrübenwinter) 1916–1917 г., когда население и прежде всего рабочие питались главным образом корнеплодами.

Восточная Пруссия, которая являлась традиционным поставщиком картофеля в западные области Германии, сама стала испытывать нехватку этого сельскохозяйственного продукта, а введение на него максимальной фиксированной цены

¹⁸ Гальцов В. И., Сергеев В. В. От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917–1918 гг. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени СПГУ. 2018. 18-1. С. 139.

¹⁹ В конце 1916 г. нормы хлеба составляли немногим более 200 г муки в день, мяса – 250 г в неделю. – См. Dix A. Wirtschaftskrieg und Kriegswirtschaft. Berlin, 1920. S. 293.

только усугубляло ситуацию на рынке картофеля и способствовало полному упадку торговли им. Социально-экономическая обстановка в деревне также быстро ухудшалась вследствие уменьшения количества мужской рабочей силы, реквизиций лошадей и сокращения посевных площадей.

Перебои с поставками продовольствия и рост цен на продукты питания, приведшие к введению карточной системы и расцвету спекулятивного «черного рынка», явились причиной многочисленных голодных бунтов и погромов продовольственных магазинов, которые охватили провинцию начиная с 1916 г.

Во втором параграфе **«Радикализация общественно-политической жизни»** рассматриваются региональные аспекты кризиса политики «4 августа и гражданского мира» и раскол Социал-демократической партии Германии.

Непосредственным поводом к размежеванию де-юре внутри восточно-прусской социал-демократии послужила созванная в январе 1917 г. «Трудовым содружеством» и «Спартак» объединённая конференция. Правление СДПГ посчитало это посягательством на единство партии и инициировало последовательное исключение из своего состава оппозиционных объединений. Оппозиционные элементы создавали на местах новые партийные организации. Отправной точкой такого организационного размежевания в Восточной Пруссии стало чрезвычайное (внеочередное) общее собрание социал-демократического ферейна провинции, состоявшееся 18 февраля 1917 г. в Кёнигсберге в Артусхофе, на котором с докладами выступили представители старой и новой партийной линии – Отто Браун и Гуго Гаазе²⁰.

Предпоследний, 1917 год войны, правая и независимая социал-демократия Восточной Пруссии встречала в весьма тревожной внутренней и международной обстановке. Ей приходилось маневрировать в условиях нарастания массового антивоенного движения в провинции и в стране, партийного и фракционного раскола, радикализации её собственных рядов, а также роста влияния на внутреннюю и внешнюю политику Германии крайне правой Немецкой Отечественной партии, которая была основана в Восточной Пруссии в день годовщины Седана – 2 сентября 1917 г.

Следует отметить, что даже после партийного размежевания с независимыми социал-демократами и накануне Октябрьской революции в России, когда стрелка политического барометра показывала бурю, руководство СДПГ не внесло никаких корректив в свои программные установки. На съезде социал-демократической партии Германии в Вюрцбурге, который проходил с 14 по 20 октября и на котором Восточную Пруссию представляли делегаты Фридрих Кризе, Йозеф Любринг, Фридрих Шикорр и Фридрих Зеeman, была одобрена политика союза германской социал-демократии с отечественной буржуазией в империалистической войне и были определены задачи и направление практической деятельности партии на будущее. Даже в это тревожное время центральную задачу партии съезд видел в борьбе за мирную демократизацию и парламентаризацию Германии.

С апрельской забастовки 1917 г. в Восточной Пруссии активизировалась деятельность леворадикальных элементов германской социал-демократии, представленных прежде всего группой «Спартак». Её сторонники не только выражали недовольство «пасхальным манифестом» императора Вильгельма II, в котором содержалось обещание демократизации избирательной системы в рейхе и наделение парламента дополнительными полномочиями, но и распространяли листовки с антивоенными и революционными призывами.

²⁰ *Königsberger Volkszeitung*. 1917. 19. Februar.

Раскол социал-демократического движения и возникновение внутри него леворадикальных течений, образование крайне правой Немецкой Отчественной партии, лозунги и программные установки которой выражали взгляды реакционной прусской военщины и крупных помещиков, и консолидация общественного мнения на основе консенсуса о необходимости политических реформ означали радикализацию публичного поля, в рамках которого к осени 1918 г. назрел революционный кризис. Вместе с тем отсутствие единого фронта левых сил, направленного против монархии и старых элит Пруссии (офицерского корпуса, чиновничества и крупных помещиков) изначально определило умеренные рамки грядущей революции, которая подпитывалась только стихийным революционным брожением масс и не имела своего весомого институционального авангарда.

В главе 2 «Развитие демократического потенциала революции в Восточной Пруссии», состоящей из двух параграфов, изучены различные аспекты политики рабочих, солдатских и крестьянских Советов провинции и формирование ранней Веймарской коалиционной системы.

В первом параграфе **«Формирование и деятельность революционных органов власти»** рассматриваются революционные события 9-10 ноября 1918 г. в Кёнигсберге и различные аспекты коммунальной политики Советов в провинции. В первые дни революции отчётливо обозначилась тенденция, которая стала одним из сдерживающих факторов в процессе перерастания революции в радикально левую фазу, – старый кайзеровский бюрократический аппарат, за немногими персональными исключениями, продолжал свою работу. По сути, со своих постов были смещены лишь обербурггомистр Кёнигсберга Кёрте, председатель городского собрания депутатов Диришле, комендант города ф. Хинкельдей и командующий военным округом генерал ф. Дикхут-Гаррах. В провинции же события 9–10 ноября практически не повлекли за собой каких-либо кадровых перестановок в административном аппарате.

Важную роль в этом отношении сыграло распоряжение министра внутренних дел Пруссии от 9 ноября 1918 г. всем административным органам управления провинции, в котором говорилось, что «им следует в интересах отечества продолжать работу в целях поддержания общественной безопасности и порядка, особенно для обеспечения мер, необходимых для снабжения народа продовольствием». На основании этого письма обер-президент Восточной Пруссии фон Батоцки 10 ноября ориентировал в циркулярном письме всех ландратов провинции, что «в интересах отечества им следует оставаться на своих местах».

Поддержание общественного порядка и относительная стабилизация привычных форм социального бытия являлись важными задачами рабочих и солдатских Советов в первые дни и недели революции. Однако за этим внешним процессом скрывалось главное, – Советы в Восточной Пруссии не стремились к захвату или хотя бы к разделению политической власти с сохранившимися правительственными учреждениями, ограничившись лишь выполнением контрольных функций за этими же учреждениями и общим надзором за переходом к новой форме государственного устройства. Такая позиция рабочих и солдатских Советов объясняется прежде всего преобладанием в них правых социал-демократов и независимцев, которые ещё до проведения общегерманского съезда Советов в Берлине 16–21 декабря 1918 г. взяли курс на созыв Учредительного национального собрания и переход к буржуазному парламентаризму.

Важно также отметить, что солдатские Советы (прежде всего гарнизонов и тыловых частей, а не действующей армии) вынуждены были заниматься вопросами

демобилизации и связанных с ней денежных выплат солдатам, а также такими второстепенными вопросами, как отмена или сохранение обязательного отдания воинской чести, ношения оружия офицерами и т. п. Как правило, солдаты не выдвигали социальных или политических требований, а стремились как можно быстрее демобилизоваться и вернуться домой. Сами же солдатские Советы в лучшем случае ограничивались лишь весьма умеренными требованиями демократизации армии.

Итоги первых дней революции в Восточной Пруссии явили собой тенденцию, характерную для остальных земель рейха, – в большинстве городов рабочие и солдатские Советы формировались из функционеров социал-демократической партии и независимцев. Так, в Кёнигсбергский рабочий Совет на паритетных началах вошли представители СДПГ и НСДПГ: Зеeman, Любринг, Кризе, Андерш, Готшалк, Линде, Малон и Век. Иногда социал-демократы даже поощряли привлечение в Советы различных непролетарских элементов вроде торговцев, предпринимателей, буржуазных журналистов и профессоров. Как правило, декларативные заявления таких Советов о защите и углублении революции не подкреплялись практическими делами, а их вторжение в деятельность местной администрации и органов самоуправления было минимальным.

Задачи Советов в провинции, согласно предложениям Кёнигсбергского рабочего и солдатского Совета, ограничивались защитой личной безопасности и собственности от нападений, обеспечением населения продовольствием, правовым регулированием переходного периода в экономике, социальным обеспечением малоимущих, решением жилищного вопроса и делами печати. Для занятия этими вопросами создавались особые комитеты.

Важным инструментом проведения левой политики независимых Советов было принудительное снижение отпускных цен на продукты питания и предметы первой необходимости для малообеспеченных слоёв населения и различного рода реквизиции. Однако наибольшее негодование зажиточных горожан, скупавших продукты питания для перепродажи на черном рынке, и землевладельцев в сельской местности вызывали обыски и ревизии продовольственных запасов, прежде всего хлеба и картофеля, производимых соответствующими Советами. Характерно, что после разгрома отрядов Народной морской дивизии в Кёнигсберге в начале марта 1919 г. в отчётах председателей низового звена районных администраций (Kreis-ausschüsse) отсутствуют жалобы на подобные мероприятия местных Советов.

Наиболее действенным инструментом рабочих и солдатских Советов для проведения самостоятельной коммунальной политики являлось их привилегированное положение в военных вопросах. Оно заключалось не только в том, что они (прежде всего солдатские Советы) имели возможность влиять (по крайней мере в ноябре и декабре 1918 г.) на решения, принимаемые командирами соответствующих воинских частей. Согласно сложившейся в первые дни революции практике, Советы имели также собственные (выделенные) артиллерийские склады (Artillerie-Depots) при гарнизонах, куда по их запросам окружное командование должно было поставлять оружие и боеприпасы.

Главной причиной конфликтов и противостояния местных администраций и некоторых Советов было нежелание и противодействие последних вооружению различных полувоеннозированных формирований: отрядов гражданского ополчения (Bürgerwehr), самообороны (Einwohnerwehr), сельских дружин и т. д. Местные власти поощряли создание подобных гражданских военизированных формирований, видя в них опору в борьбе не только с криминальными и деклассированными элементами, но и с

мобильными отрядами спартаковцев, которые, как уверяла жителей приграничных районов немецкая пропаганда, действуют в тесном взаимодействии с большевистскими «бандами». В свою очередь, Советы опасались собственными руками вооружить потенциальные «контрреволюционные и реакционные» формирования.

Важнейшей задачей крестьянских Советов объявлялось содействие местным органам власти. Это содействие крестьянские Советы должны были осуществлять посредством реализации следующих функций: учёт и охрана продовольственных складов, борьба с нелегальной торговлей (Schleichhandel); поддержка сельскохозяйственных предприятий, предоставление семенного материала, содействие расширению площади возделываемых земель, восстановление животноводства (особенно в пострадавших от боевых действий районах) и поощрение кооперации (Genossenschaftswesen); приём демобилизованных солдат и военнопленных, обеспечение их работой и жильём на основе директив компетентных органов по демобилизации; взаимная помощь при защите частных лиц и собственности.

В целом сельскохозяйственные рабочие и малоземельные крестьяне не выступали с требованиями экспроприации юнкерских хозяйств, а создание общих Советов крупных землевладельцев, средних и мелких крестьян и наемных сельскохозяйственных рабочих было гарантией существующих отношений собственности на селе и вело к долгосрочной политической нейтрализации еще слабого движения сельскохозяйственных рабочих.

Следует отметить, что финансовое обеспечение работы Советов на местах постепенно сокращалось не только вследствие стабилизации внутреннего положения в провинции, но и своеобразного самоограничения Советами своих функций. Этот процесс в провинции завершился в целом в декабре 1919 г., хотя тенденция стала определённой уже в начале лета того же года.

С самого начала революции Советы в Восточной Пруссии не стремились к завоеванию политической власти и сосредоточились исключительно на решении местных неотложных вопросов. Восточнопруссские Советы рабочих и солдатских депутатов даже образца 1918 г. в большинстве своем хотели лишь получить контроль над старыми органами власти на переходное время, до выборов легитимных демократических народных представительств. Финансовое обеспечение деятельности Советов также ставило их в зависимость от гражданской администрации провинции. После упразднения отрядов Народной морской обороны в начале марта 1919 г. революция лишилась военного инструмента, который при определённых обстоятельствах мог обеспечить её перерастание в леворадикальную фазу.

Во втором параграфе **«Перестройка политических партий и формирование Веймарской коалиционной системы»** рассматриваются трансформация партийно-политического ландшафта Восточной Пруссии и результаты тройных выборов в представительные органы власти (в Национальное собрание, прусский ландтаг и городской совет Кёнигсберга). Эти три избирательных тура, хотя они проходили в тревожной внутриполитической обстановке, временами напоминавшей гражданскую войну, по сути завершили политический переход от монархии к парламентской демократии.

Абсолютное большинство в Национальном собрании получили юнкерские и буржуазные партии (за них было подано 16,4 млн. голосов, что дало им 236 мест). Партии социал-демократического блока (СДПГ и НСДПГ) получили 13,8 млн. голосов и 187 мест, причем КПГ бойкотировала выборы. Следует отметить, что 2/3 избирателей участвовали в выборах впервые (54% голосов принадлежало женщинам). Важным результатом этих выборов было то, что впервые за правых социал-демократов

голосовала часть сельского населения, в том числе в аграрных провинциях вроде Восточной Пруссии, а независимые социал-демократы, напротив, получили прирост голосов в промышленных центрах.

Следует отметить, что результаты этих выборов в Восточной Пруссии имели существенные нюансы по сравнению с общегерманскими показателями. В самой восточной провинции Германии в выборах приняло участие 93,4% от общего числа имевших право голоса, что являлось весьма высоким показателем. Примерно 74% голосов было подано за партии так называемой Веймарской коалиции (СДПГ, Немецкая демократическая партия, Немецкая народная партия). Таким образом, в Восточной Пруссии социал-демократическая составляющая ранней Веймарской коалиции являлась более выраженной по сравнению с общегерманскими показателями.

Выборы в Кёнигсбергское городское собрание (Stadtverordnetenversammlung), хотя и прошли всего лишь при 50% явке избирателей, также были весьма важны, поскольку определили политический климат в столице Восточной Пруссии вплоть до принятия Веймарской конституции. Характерной чертой этих выборов было всеобщее разочарование, которое царило среди избирателей. В целом из 185 тысяч избирателей проголосовали примерно 95 тысяч. Как и выборы в Национальное собрание в общегерманском масштабе, они дали неожиданные результаты. НСДПГ стала сильнейшей партией в городском парламенте (29 мест), за ней следовали СДПГ (21), Немецкая народная партия (20), Немецкая демократическая партия (17), Немецкая национальная партия (8) и Христианская народная партия (3). Четыре места отошло беспартийному списку служащих.

Анализ результатов выборов в городской парламент показывает, что так называемые буржуазные партии в нём находились в меньшинстве (в отличие от Национального собрания), однако возможность блока с ними правых социал-демократов, в принципе, выступала своего рода гарантией стабильного развития города без революционных потрясений. Вместе с тем последующий период (январь–август 1919 г.) отличался большой политической турбулентностью, поскольку независимые социал-демократы, используя радикальную популистскую риторику, зачастую прибегали к внепарламентской деятельности в блоке с коммунистами.

В партийном поле ведущей политической силой Восточной Пруссии стали социал-демократы большинства и независимые социал-демократы. Однако в условиях прагматического соглашения между социал-демократами и «старыми элитами» первым приходилось работать в период революции не только с чиновничеством и офицерским корпусом, но с предпринимателями. Это сотрудничество социал-демократов большинства со старыми органами власти и буржуазно-либеральными партиями было обусловлено не только результатами выборов, в ходе которых значительное большинство электората высказалось в пользу парламентской демократии, но и острыми расхождениями между СДПГ и НСДПГ по ряду принципиальных вопросов. Эти расхождения способствовали постепенному вытеснению НСДПГ из легального политического процесса, её маргинализации и блоку с внесистемной оппозицией (Союзом «Спартак»/КПГ).

Влияние восточнопрусской группы КПГ/Союз «Спартак» на политическую жизнь провинции было незначительным, и в период январских боёв 1919 г. в Берлине её представители вынуждены были лишь ожидать дальнейшего развития событий, не имея возможности оказать рабочим столицы сколь-либо существенной поддержки. После поражения январского восстания в Берлине восточнопруссские коммунисты с большим трудом снова установили связь с центром.

Третья глава «Управляемая реакция в условиях революционного и постимперского конфликта», которая посвящена анализу содержания и механизмов сворачивания леворадикальной альтернативы революционного процесса. В первом параграфе «Деятельность имперского комиссара и обер-президента Восточной Пруссии А. Виннига» рассматривается внутренняя политика рейхскомиссариата, направленная на упразднение отрядов Народной морской дивизии и ограничение власти рабочих и солдатских Советов провинции.

Необходимо отметить, что в исторической литературе события 3–4 марта 1919 г. не получили должной оценки. Немецкие историки рассматривали (и продолжают рассматривать) эти события как своеобразную зачистку города от криминальных и террористических элементов, под которыми подразумевались служащие Народной морской дивизии. Напротив, калининградские историки считают мартовские уличные бои неудачной попыткой восстания спартаковцев²¹. Однако более близкое рассмотрение этих событий даёт основание поставить под сомнение обе точки зрения. Уличные бои 3–4 марта представляли собой успешную попытку консервативного (реакционного) переворота в условиях общего спада революции в провинции. Своеобразие этого переворота состояло в том, что в Кёнигсберге руководящий орган Народной морской дивизии (Комитет Семи) не имел поддержки среди рабочих и солдатских Советов, а мог опереться только на маргинальные (в смысле политического влияния) группы радикалов (спартаковцев).

Практически сразу после упразднения Народной морской дивизии и её подразделений на местах началось формирование новых охранных и полицейских частей, однако на совершенно иных принципах. Новая военно-полицейская структура получила название «Полк народного ополчения Кёнигсберг» (*Volkswehr-Regiment Königsberg*). Входящие в него части должны были оказывать содействие в реализации постановлений правительства, обеспечивать поддержание общественного порядка и противостоять всем насильственным попыткам изменения конституционного строя. Данные о численном составе отрядов фёльксвера в провинции разнились в зависимости от величины соответствующего гарнизона и других факторов.

Характерно, что после мартовских событий 1919 г. Винниг видел свою главную задачу выполненной и собирался покинуть Восточную Пруссию, однако имперское правительство сочло его пребывание там необходимым и поручило ему решение ряда других вопросов. Последующая деятельность Виннига также укладывается в рамки консервативной внутренней политики и сворачивания леворадикальных элементов революционного процесса. Одну из важных задач он видел в противодействии спартакистской пропаганде в деревне, особенно среди наёмных рабочих. Здесь сказался его прежний профсоюзный опыт работы: Винниг предложил регулировать экономические отношения сельских хозяев и сельскохозяйственных рабочих посредством заключения тарифных соглашений, контроль за соблюдением которых должна была осуществлять специально созданная организация работодателей.

Однако следует также отметить, что в целом как политическая практика и идеология консервативных сил, к которым всё больше тяготел А. Винниг, так и левых

²¹ См., например: *Born A.* Die Entwicklung Königsbergs in Preußen zu einer modernen Großstadt in der Weimarer Republik. Greifswald, 2016. S. 51–52; *Gause F.* Die Geschichte der Stadt Königsbergs in Preußen. Köln, 1996. Bd. III. S. 28–30; *Klatt R.* Ostpreußen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg, 1958. S. 65–81; *Дементьев И. О., Шепель Я. Г.* Русские революционеры в Восточной Пруссии: Забытые «места памяти» // Калининградские архивы. 2020. Вып. 17. С. 61.

радикалов являлись одной из главных причин незавершённости процесса демократизации Восточной Пруссии, начатого Ноябрьской революцией 1918 г.

Во втором параграфе **«Роль организации «Восточнопрусская Отечественная служба» и народных Советов в стабилизации внутреннего положения провинции»** рассматриваются аспекты деятельности этих организаций в контексте постепенного сворачивания деятельности местных Советов и эффективной мобилизации населения против внешней угрозы.

Следует отметить, что в разъяснениях для печати и на различных публичных мероприятиях руководители Отечественной службы подчёркивали частный характер её образования. Это делалось не только для более эффективного освоения финансовых средств, которые шли из различных государственных фондов, но и для успокоения держав-победительниц, которые с подозрением относились ко всем неконтролируемым инициативам германского правительства по созданию добровольческих военизированных формирований.

Эта организация была достаточно гибкой в плане управления и вхождения в неё различных структур, однако с самого начала её активное ядро было представлено следующими службами (отделами): собственно Восточнопрусская Отечественная служба, Союзом по борьбе с большевизмом, Лигой защиты немецкой культуры и Экономико-политической агитационной службой для Востока. Обширная служебная переписка между Центральным комитетом Восточнопрусская Отечественная служба и правительственными учреждениями сделала даже необходимым основание специального бюро при оберпрезидиуме Кёнигсберга и имперском комиссаре под названием «Защита отечества» (Heimatschutz).

В последующие месяцы вся территория провинции была покрыта сетью местных организационных ячеек Отечественной службы. Эти ячейки Отечественной службы были тесно связаны с гражданскими и военными учреждениями. Ландраты получили директивы по организации отделений Отечественной службы и местных охранных отрядов (Heimatwehr/Schutztruppe). Главной задачей охранных отрядов была борьба с большевизмом и спартакизмом, однако так как на тогдашнем пропагандистском жаргоне германских политиков эти понятия являлись синонимами, то деятельность охранных отрядов была направлена прежде всего против внутреннего врага, под которым понимался широкий круг лиц и организаций леворадикального толка.

Необходимо отметить, что борьба Восточнопрусская Отечественная служба против внутреннего и внешнего большевизма, выражавшаяся в агитационно-разъяснительной работе и в содействии созданию различных военизированных формирований, несколько ослабла к середине лета 1919 г., поскольку на повестку дня выдвинулись внутренние вопросы и необходимость противодействия польским агитаторам не только в правительственном округе Алленштайн, но и в Кёнигсберге и Гумбинене.

Специфической сферой деятельности сотрудников Отечественной службы была работа в лагере вернувшихся из России немецких солдат-репатриантов в Хайльсберге и в лагере для беженцев в Эйдткунене, которая велась в тесном взаимодействии с военными властями. Как правило, многие солдаты и беженцы в таких лагерях сочувственно относились к идеям большевиков и, по мысли немецких властей, могли быть инициаторами беспорядков внутри Германии. С ними проводилась индивидуальная работа, они ставились на особый учет, а наиболее идейных и непокорных из них отправляли на различные трудовые работы.

Одним из важных мероприятий Восточнопрусской Отечественной службы стало участие в создании так называемых народных Советов (Volksräte). В принципе, народные Советы как их особая разновидность были уже известным и апробированным способом организации власти по советскому образцу. В некоторых землях Германии народные Советы представляли собой организации по консолидации правых сил и носили ярко выраженный буржуазный характер, иногда (как, например, в Силезии) народные Советы являлись своего рода зонтичными организациями рабочих и солдатских Советов и высшей инстанцией по разрешению различных споров и взаимодействию с буржуазными органами власти.

В Восточной Пруссии народные Советы стали создаваться на относительно позднем этапе революции (в мае 1919 г.) и самого начала получили особый характер и решали специфические задачи. Их создание следует рассматривать в конкретной исторической обстановке, когда в Восточной Пруссии, после получения правительством в Берлине проекта мирного договора от стран Антанты (7 мая), начинается управляемое массовое движение по бойкоту и смягчению его отдельных положений. Координирующую роль в создании народных Советов играла Восточнопруская Отечественная служба.

Средства, которые предусматривались для решения этих задач, были настолько расплывчаты, что позволяли местным администрациям использовать народные Советы как весьма удобный инструмент гибкой социальной политики. Главные направления деятельности народных Советов, предложенные гражданской администрацией провинции, состояли в следующем: - пробуждение и усиление чувства сплочённости всех немцев безотносительно к партийной принадлежности и сословному состоянию; - надзор за мероприятиями властей по развитию самобытной немецкой общности (Deutschtum); - поддержка и помощь немецкому землевладению и немецкому хозяйству; - создание рупора (Sprachrohr) доведения до высших инстанций потребностей простых людей из отдалённых районов; - политическое просвещение посредством профессиональных лекториев при исключении партийных разногласий; - вовлечение женщин в совместную работу в немецком духе; - педагогические доклады о воспитании юношества; - демографическая политика на основе народных (этнических) принципов; - применение законов о поселениях для потребностей жителей уездов; - объединение немцев перед районными выборами в качестве противовеса полякам.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются обобщающие оценки Ноябрьской революции 1918 г. в Восточной Пруссии.

В ноябре 1918 г. Восточная Пруссия, как и остальные земли германского рейха, пережила революцию, которая привела к упразднению монархии Гогенцоллернов и основанию Веймарской республики. Этот процесс социально-политической трансформации занял приблизительно девять месяцев и завершился принятием Веймарской конституции 11 августа 1919 г. Вместе с тем в самой восточной провинции Германии трансформация носила консервативный характер и быстро сменилась политической реакцией.

В Восточной Пруссии во время Первой мировой войны массовое антивоенное движение и революционное брожение не привели к образованию единого фронта левых сил накануне революции. Этому в значительной степени способствовали три фактора: приверженность Социал-демократической партии Германии (правых социал-демократов) и «свободных» профсоюзов политике «гражданского мира»; раскол социал-демократического движения и образование Независимой социал-демократической

партии Германии, лидеры которой, несмотря на радикальную риторику, вовсе не намерены были использовать «русский опыт» политической борьбы; слабость революционно-демократического крыла социал-демократического движения, представленного Союзом «Спартак», и отсутствие у него опоры и сторонников среди сельского населения провинции.

Возникшие в начале революции рабочие и солдатские Советы Восточной Пруссии комплектовались на паритетной основе представительства СДПГ и НСДПГ при минимальном участии в них представителей Союза «Спартак». Новые революционные органы власти не ставили перед собой задачу завоевания политической власти и активно сотрудничали со старыми административными учреждениями (оберпрезидиумом, правительственными президентами, ландратами и бургомистрами), ограничившись только функциями контроля их деятельности и поддержанием общественного порядка. Попытки некоторых Советов проводить самостоятельную левую политику на местном уровне либо пресекались Кёнигсбергским Советом (как высшей инстанцией), либо приводили к переизбранию их состава.

Формирование ранней коалиционной Веймарской системы в Восточной Пруссии имело свою специфику по сравнению с ситуацией в рейхе. Тройные выборы (в Учредительное собрание, в прусский ландтаг и городской парламент Кёнигсберга в начале 1919 г.) дали очевидный перевес левым партиям и депутатам солдатских списков. Однако острое противоборство между СДПГ и НСДПГ (в том числе по вопросу «социализации» предприятий) привело к блоку правых социал-демократов с партиями буржуазно-либерального лагеря и вхождению революции в рамки легальных экономических требований. Внесистемная (внепарламентская) деятельность левого крыла НСДПГ, выражавшаяся в призывах к всеобщей забастовке, «социализации» предприятий и союзу с Советской Россией, приводили к хаотизации политической жизни.

Внутренняя политика имперского комиссара (с 25 января 1919 г.) и оберпрезидента Восточной Пруссии (с 24 июня 1919 г.) А. Виннига представляла собой консервативный ответ на революционное брожение в обществе. Этот ответ достиг своей кульминации в уличных боях 3–4 марта в Кёнигсберге, которые привели к разоружению и ликвидации (упразднению) отрядов Народной морской дивизии. Революция лишилась главного инструмента, который при определённых обстоятельствах мог обеспечить её развитие по леворадикальному пути. Внутренняя политика А. Виннига, которая заставляла его идти на сотрудничество с правыми силами провинции – чиновной бюрократией и военными – создала необходимые предпосылки для сворачивания леворадикального пути развития революции. Вместе с тем военно-политический опыт, приобретённый А. Виннигом в Прибалтике, облегчил ему принятие решения использовать регулярные правительственные части и добровольческие батальоны для решения внутренних проблем Восточной Пруссии.

Обусловленное внешним фактором образование Восточнопрусской Отечественной службы и народных Советов следует рассматривать не только в контексте борьбы с большевизмом и польской угрозой. Эти организации часто принимали на себя функции революционных Советов в деле обеспечения общественного порядка и установления социального мира посредством активной агитационно-разъяснительной работы и содействием назревшим коммунальным реформам. Деятельность этих организаций привела к окончательному свёртыванию Советов как институтов революционной власти и выдвиганию на первый план факторов защиты

национально-культурной идентичности восточных территорий Германии (Западной и Восточной Пруссии).

Германская революция 1918 г., как и русская революция 1917 г., представляла собой своеобразный вариант выхода из военно-политического и социально-экономического кризиса, порождённого Первой мировой войной. Однако если развитие демократического потенциала германской революции обуславливалось внутренними объективными причинами, которые хорошо известны, то необходимость дать адекватный в тех условиях ответ внешнему давлению довольно быстро привела к нарастанию «реакционных» элементов во внутренней политике провинциальной администрации.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Кретинин Г. В., Макарычев А. С. Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: свидетельство очевидца // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 199–209.
2. Кретинин Г. В., Макарычев А. С. «400 дней Восточной Пруссии» Августа Виннига: опыт конъюнктурной мемуаристики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2021. № 1. С. 61–70.
3. Макарычев А. С. Социал-демократия Кёнигсберга и Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 3 (28). С. 24–24.

Публикации в других научных изданиях:

4. Макарычев А. С. Первомай в Кёнигсберге и Восточной Пруссии. // Время Музея: сборник статей. Калининград, 2020. Вып. 3. С. 397–410.

Макарычев Александр Сергеевич

**НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 Г.
В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ:
ДЕМОКРАТИЯ И РЕАКЦИЯ НА ПЕРИФЕРИИ ГЕРМАНИИ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 16.03.2022
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 1,5
Тираж 100 экз. Заказ 34

Отпечатано Полиграфическим центром
Балтийского федерального университета им. И. Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, д. 6